

Царицы и царевны изъ дома Романовыхъ

Глава третья.

Дочери царя Михаила Федоровича; Ирина и сватовство къ ней датскаго принца.—Царевна Татьяна и Анна Михайловны.

I.

У царя Михаила Федоровича отъ второй жены (первая Марья Долгорукова умерла черезъ годъ послѣ брака, въ 1625 г.), Евдокія Лукиничны (Стрѣшневой), съ которой онъ вступилъ въ бракъ въ 1626 г., было 10 душъ дѣтей, изъ которыхъ четыре дочери (Пелагея, Марѳа, Софья и Евдокія) и два сына (Иоаннъ и Василій) скончались еще въ младенчествѣ; въ живыхъ оставались: самая старшая дочь Ирина (род. 22 апр. 1627 г.), сынъ и наслѣдникъ, царевичъ Алексѣй (р. 9 марта 1629 г.), царевна Анна (р. 1630 г.) и Татьяна (р. 1636).

Мы знаемъ уже тѣ условія, въ какихъ приходилось жить царевнамъ, которыхъ народъ могъ лицезрѣть лишь въ день ихъ крестинъ, а имена ихъ зналъ лишь по возглашенію многолѣтія царскому дому, да отчасти по щедро раздаваемой отъ ихъ имени милостыни нищимъ и убогимъ. При тѣхъ же условіяхъ росли и дочери Михаила Федоровича царевны Ирина, Анна и Татьяна. Съ колыбели къ нимъ приставлены мамы (кормилицы и няни), оставшіяся до своей смерти лицами самыми приближенными; позже верховныя боярышни развлекаютъ ихъ играми, забавами, собесѣдованіемъ; особыя мастерицы учатъ ихъ грамотѣ и рукодѣлію; игрицы развлекаютъ ихъ народными играми и хороводами, а бахарки усыпляютъ ихъ въ постели длинными сказками... Иногда онѣ предпринимаютъ съ родителями богомольныя путешествія

по церквамъ и монастырямъ или ѣдутъ на лѣтнее пребываніе въ подмосковныя села (Рубцово, Коломенское, Измайлово, Хорошево, Воробьево, Семеновское и др.), гдѣ царь предается любимому развлеченію—соколиной охотѣ, или идетъ на медвѣдя... Трудно опредѣлить индивидуальность вышеназванныхъ царевенъ, настолько онѣ сливаются въ одинъ общій обликъ. Все же постараемся дать хотя тѣ немногія историческія свѣдѣнія, какія имѣются о каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Если дѣтство и оставляло еще какія нибудь радостныя воспоминанія, то юность и преклонный возрастъ царевенъ былъ исполненъ подчасъ великой горечи. Мы видѣли выше, насколько тяжело было положеніе царевны при выборѣ жениха и какъ ставилось въ вѣчный позоръ „ежели за раба, т. е. за холопа своего, выдать царевну“, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ трудно было найти невѣсту для самого царя, а тѣмъ болѣе для царевны среди иностранныхъ принцевъ. Но все же царь Михаилъ Ѳедоровичъ дѣлаетъ попытки въ этомъ отношеніи и какъ только царевнѣ Иринѣ исполнилось 13 лѣтъ, стали высматривать для нея подходящаго жениха. Для этого прежде всего отправлены были послы сначала къ шведскому двору, но безуспѣшно. Тогда съ 1640 г. началось сватовство у датскаго короля Христіана, за его сына (отъ морганатической супруги) Вольмера, которому въ это время было 20 л., „волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ, пригожъ лицомъ, здоровъ и разуменъ, умѣетъ по латыни, по французски, по итальянски, знаетъ нѣмецкій верхній языкъ, искусенъ въ военномъ дѣлѣ“. Вначалѣ посламъ поручается навести лишь справки и привезти портреты всей королевской фамиліи, что, впрочемъ, не удалось и первые послы вернулись изъ Даніи ни съ чѣмъ. Но, вскорѣ затѣмъ, лѣтомъ 1641 г. въ Москву явилось необычайное посольство въ которомъ состоялъ и самъ королевичъ, подъ именемъ Вольдемара графа Шлезвигъ-Голштинскаго; но и это посольство ни къ чему не привело, главнымъ образомъ потому, что Вольдемаръ требовалъ, чтобы въ датской грамотѣ королевское имя писалось прежде царскаго.

Вскорѣ послѣ отъѣзда королевича, послы царскіе ѣдутъ снова въ Данію уже „по особому государеву дѣлу“, состоявшему въ предложеніи брачнаго союза между королевичемъ Вольдемаромъ и царевною Ириною, причемъ посламъ дается тайный наказъ: въ случаѣ спросятъ: есть ли съ ними персона (портретъ) царевны?—отвѣчать, что „того у государей російскихъ не бываетъ, чтобы персоны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья въ чужіе государ-

ства возить“, что царевенъ и въ Московскомъ государствѣ никто, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ не видитъ. На этотъ разъ посламъ дано было въ запасъ соболей на 2000 рублей для расходования, т. е. для раздачи разнымъ лицамъ, по усмотрѣнію, безъ чего считалось невозможнымъ „добромъ совершить государево дѣло“. Дѣло же это постепенно выяснилось, что государь хочетъ породниться съ королемъ датскимъ, т. е. выдать дочь за королевича Вольдемара. Однако, пререканія о томъ, чье имя писать въ договорныхъ грамотахъ прежде возобновились, къ нимъ присоединились и другіе спорные вопросы: о принятіи королевичемъ православной вѣры, о томъ, какіе города (Ярославль, Суздаль и др.) будутъ даны на содержаніе молодаго двора и т. п.— все это заставило пословъ царскихъ вернуться, не добившись цѣли. Но, уѣзжая, они все же отправили королевичу, отсутствовавшему въ это время изъ Копенгагена, царскій подарокъ, пять сороковъ соболей; послѣ чего королевичъ, возвратившійся къ тому времени, поспѣшилъ вернуться къ посламъ и благодарить ихъ за царскій подарокъ, о сватовствѣ же сказалъ, что во всемъ положился на волю отца. Царь упрекалъ возвратившихся ни съ чѣмъ пословъ въ неумѣнья вести „государственное дѣло“ и послалъ въ Данію датскаго комиссара, проживавшаго въ Москвѣ, Петра Марилиса, которому повидимому и удалось это дѣло уладить настолько, что въ январѣ 1644 г. Вольдемаръ пріѣхалъ самъ въ Москву съ цѣлью бракосочетаться съ царевною Ириною. Встрѣченъ онъ былъ весьма радушно, принять торжественно въ Грановитой палатѣ, посреди которой его привѣтствовалъ царевичъ Алексѣй, а затѣмъ онъ былъ явленъ (представленъ) самому царю, который сошелъ съ своего мѣста и подалъ королевичу руку (витался), спросилъ о здоровьи; послы говорили рѣчь о томъ, что король датскій прислалъ сына своего, чтобы ему по царскому желанію „законъ принять“ (вступить въ бракъ) съ царевною Ириною и чтобы условія брачнаго договора были скрѣплены. Думный дьякъ отвѣчалъ, что царь желаетъ, чтобы въ этомъ случаѣ Богъ привелъ къ доброму соглашенію. Во время этого пріема царевнѣ Иринѣ, быть можетъ, и удалось видѣть своего жениха „потаенно“, но онъ ее не видѣлъ; а желаннаго соглашенія, какъ увидимъ ниже, трудно было добиться, особенно въ вопросѣ о вѣрѣ.

4 февр., вскорѣ послѣ пріѣзда королевича, царь посѣтилъ его; а 8 февр. къ Вольдемару явился посолъ отъ патріарха съ уговоромъ о принятіи крещенія по обряду православной церкви; 13 февр. королевичъ для объясненій былъ у государя, который прямо заявилъ, что „не соединясь съ нимъ вѣрою, ему нельзя сочѣтаться бракомъ съ его

дочерью, потому что у насъ (русскихъ) мужъ съ женою въ разной вѣрѣ быть не можетъ“. А когда королевичъ попросилъ въ такомъ случаѣ отпустить его обратно въ Данію, то царь сказалъ, что отпустить его „непригоже и не честно, что во всѣхъ государствахъ будетъ стыдно“...

Началась послѣ этого переписка королевича съ царемъ, объясненія съ вліятельными лицами (бояриномъ Ѡ. И. Шереметевымъ), къ покровительству которыхъ прибѣгалъ королевичъ, прося отпустить его домой; было и объясненіе бояръ съ послами датскими, которыхъ они убѣждали склонить королевича къ принятію православной вѣры, но послы отвѣчали, что въ этомъ имъ наказа не было и что за это они даже могутъ поплатиться своими головами... 21 апр. патріархъ (Іосифъ) шлетъ королевичу письмо, въ которомъ еще разъ убѣждаетъ его совершить волю царскую и принять крещеніе „въ три погруженія“... Королевичъ отвѣчаетъ, что въ дѣлѣ совѣсти надобно больше слушаться Бога, чѣмъ людей и что, „какъ видно, прибавляетъ онъ, у васъ (православныхъ) перемѣна вѣры считается дѣломъ маловажнымъ, когда вы требуете отъ меня этой перемѣны для удовольствія царскому величеству, а у насъ такихъ людей, которые легко мѣняютъ вѣру, считаютъ бездѣльниками и измѣнниками“. При этомъ королевичъ проситъ патріарха разрѣшить царевнѣ Иринѣ вступить въ бракъ, не требуя перемѣны вѣры и если это считается грѣхомъ, то взять этотъ грѣхъ на себя.

Бояре, съ своей стороны, лично обращались къ королевичу, говоря, что „быть можетъ онъ думаетъ, что царевна Ирина не хороша лицомъ, такъ былъ бы покоенъ, онъ будетъ доволенъ ея красотою; чтобы также онъ не думалъ, что царевна Ирина, подобно другимъ женщинамъ московскимъ, любить напиваться дошьяна: она дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою (ей было въ это время 17 л.) ни разу не была пьяна“...

Однако, не смотря на все, королевичъ и послы датскіе настойчиво повторяли свое требованіе отпустить ихъ обратно въ Данію, а 9 мая они дѣлаютъ попытку, съ оружіемъ въ рукахъ, вырваться изъ Москвы, но неудачно: они задержаны были стрѣльцами у Тверскихъ воротъ; подозрѣвали, что и королевичъ былъ между ними, да онъ и самъ сознался въ этомъ, заявивъ, что если его немедленно не отпустить обратно, то онъ пойдетъ на все. Ему отвѣчали, что объ этомъ

надо прежде снестись съ королемъ Христіаномъ; а тѣмъ временемъ у его жилища усилили стражу.

Такъ дѣло тянулось весь май, іюнь, половину іюля: съ одной стороны повторяются требованія объ отпускѣ, а съ другой, чуть не ежедневныя увѣщанія королевича—принять православную вѣру. Въ концѣ іюля раскрыты были сношенія пословъ съ литовскими купцами изъ Смоленска, о тайномъ провозѣ королевича изъ Москвы на границу литовскую. 29 ноября послы датскіе явились къ царю съ королевскими грамотами, въ которыхъ Христіанъ требовалъ, чтобы царь исполнилъ брачный договоръ, заключенный Марилисомъ, въ противномъ случаѣ „съ честью бы отпустилъ королевича и пословъ обратно“. Но въ тотъ же день царь еще разъ повторилъ Вольдемару, что „безъ крещенія ему на царевнѣ Иринѣ жениться нельзя и отпустить его въ Данію также нельзя, потому что король Христіанъ отдалъ его ему, царю, въ сыновья“. На это королевичъ въ раздраженіи пишетъ царю (9 янв. 1645 г.) и угрожаетъ могущимъ произойти несчастіемъ, если онъ не будетъ отпущенъ немедленно, что такъ поступить съ нимъ не могли бы даже турки и татары и что, наконецъ, онъ самъ будетъ стараться силой получить свободу, даже если за это ему пришлось бы поплатиться жизнью. Тогда въ это дѣло вмѣшался еще посолъ польскій (Стемѣковскій), уговаривавшій королевича подчиниться требованіямъ царя. Вольдемаръ отвѣчалъ ему: „могу уступить лишь въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) пусть дѣти мои будутъ крещены по греческому обычаю; 2) буду стараться посты держать, сколько мнѣ возможно, безъ поврежденія здоровья; 3) буду сообразоваться съ желаніемъ государя въ платѣ и во всемъ другомъ, что не противно совѣсти, договору и вѣрѣ. Больше ни въ чемъ не уступлю“... Не взирая на угрозы и ссылки, „отъ вѣры своей не отрекись, хотя онъ (царь) меня распни и умертви“, и въ концѣ этого посланія королевичъ прибавляетъ: „и пусть дѣлаютъ со мной что хотятъ только поскорѣ“... Пронесся слухъ послѣ этого, что королевичъ заболѣлъ и наводились справки (Соловьевъ).

Между тѣмъ съ апрѣля 1645 г. болѣзнь царя, уже и раньше часто хворавшаго, стала усиливаться; 12 іюля, въ день своихъ именинъ, онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и отправился въ церковь, но тамъ съ нимъ сдѣлался припадокъ удушья и ночью того же дня онъ скончался, благословивъ единственнаго сына, Алексѣя, на царство и простившись съ женою, которая немногимъ пережила его († 18 авг. 1646 г.), скончался.

И только съ восшествіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича благополучно разрѣшилось дѣло королевича объ отпускѣ: 17 іюля онъ поздравилъ новаго царя съ восшествіемъ на престолъ, причеиъ царь пытался еще разъ закинуть слово о крещеніи и бракѣ, но послѣ рѣшительнаго отказа съ честью отпустилъ королевича въ Данію, который пробылъ такимъ образомъ въ почетной неволѣ полтора года: съ пути Вольдемаръ благодарилъ царя „за его великую любовь и за то, что отпустилъ его и пословъ королевскихъ съ честью“.

Если мы долше остановились на этомъ эпизодѣ о сватовствѣ царевны Ирины и на столь характерныхъ перипетіяхъ съ ея женихомъ, съ которымъ ей ни разу не пришлось даже свидѣться, то лишь потому, чтобы дать картину тогдашнихъ нравовъ; Петръ В. уже не требовалъ перемѣны религіи для невѣсты своего сына, царевича Алексѣя.

Но возвратимся къ личности царевны Ирины *) и къ ея обиходной жизни. Оставшись послѣ смерти родителя сиротой, она, какъ старшая среди сестеръ пользуется особымъ вниманіемъ царя и брата Алексѣя, который во время своихъ походовъ (1654—1656 гг.) на Польшу, изъподъ Можайска, Смоленска и другихъ пограничныхъ городовъ всѣ свои письма къ себѣ посылаетъ на ея имя: „Государыняѣ моей матушкѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ и государынямъ моимъ сестрамъ“ (Аннѣ и Татьянѣ), а затѣиъ имянуются и жена и др. члены семьи, по мѣрѣ ихъ прибавленія, вплоть до послѣдняго новорожденнаго ребенка. Царь дѣлится съ семьей своими удачами въ походѣ: „поляковъ побили на голову“, „о приступѣ къ Смоленску“... Почти въ каждомъ письмѣ царь проситъ сестру: „Да, пожалуйста, не покиньте моей жены и вашей невѣстки, и своихъ племянниковъ и племянницъ, а моихъ дѣтей“... „А потомъ всѣмъ, всѣмъ съ любовью поклонъ, и челомъ бью всею душою и со всѣмъ сердечнымъ своимъ хотѣньемъ и радостью“... Когда же семья на обратномъ пути царя съ похода ѣхала къ нему на встрѣчу въ Вязьму, то царь Алексѣй писалъ: „А что ѣдете ко мнѣ и зѣло о томъ радуюся и жду васъ, свѣтовъ, какъ есть слѣпой свѣту радъ“... (14 ноября 1654 г.). Въ слѣдующемъ году, когда царю снова пришлось уѣхать въ новый походъ на Польшу, онъ снова пишетъ семьѣ, на имя старшей царевны Ирины, жалуюсь на плохіе весенніе пути, сообщаетъ о своемъ неожиданномъ появленіи на поляковъ подъ Смоленскомъ, о сильномъ разливѣ Днѣпра: „да буди вамъ вѣдомо: на Днѣпрѣ былъ мость 7 сажень вверхъ надъ водою; и на Оуминой недѣлѣ прибыло

*) См. Русскій Архивъ, 1913, кн. I, стр. 629.

столько, что уже съ мосту черпають воду"... „а въ ширину немѣрно разлился, чаю, на версту"... „Смоленскіе сидѣльцы говорятъ, что съ 30 лѣтъ такой большой воды не запомнятъ" (30 апр. 1655 г.). Въ другомъ письмѣ онъ сообщаетъ, что день именинъ царевны Ирины праздновали „по чину радостно пировали"... „точію о томъ скорбилися, что лицомъ къ лицу не видалися, но духомъ всегда нераздѣльны николиже" (5 мая). Изъ Шклова (10 іюня) царь сообщаетъ: „Да буди вамъ, государынямъ вѣдомо, что привезли къ намъ изъ Аеонскія горы крестъ царя Константина, да главу Іоанна Златоуста"... „А о томъ не кручиньтеса, а намъ, чаю, помѣшкать до зимняго пути",—лучше теперь задержаться, говоритъ онъ, чтобы снова не возвращаться и „скорѣе затѣмъ съ вами быти на Москвѣ" (іюля 12). Но уже въ декабрѣ царь пишетъ: „А я наскоро ѣду: готовьтеса съ радостью воспріяти меня грѣшнаго"... По поводу писемъ царевны Ирины царь замѣчаетъ: „а грамоты кому изволите, тому и велите писать: а кромѣ бы тѣхъ, которые оставлены у васъ, никто бы не писалъ и подъячему и дьяку писать не пригоже". Изъ этого видно, что не сами царевны писали свои письма, да и самъ царь, хотя и великимъ мастеромъ былъ въ писаніи писемъ часто извиняется, что несобственноручно пишетъ, а лишь дѣлаетъ приписку въ письмѣ своею рукою. 3 авг. 1656 г. ц. Алексѣй Михайловичъ писалъ изъ Динабурга: „молитвами угодниковъ Бориса и Глѣба и другихъ святыхъ и счастьемъ царевича Алексѣя Алексѣевича большой городъ взяли за полчаса до свѣта, а меньшій городокъ зажгли гранатами... на приступѣ было 3400 чел., а убито и ранено немного"...

Такимъ образомъ мы видимъ, что члены семьи царской посвящались во всѣ подробности жизни государевой и государственной и интересовались ими. Впрочемъ позже, когда умерла первая жена Алексѣя Михайловича и онъ женился вторично, замѣтно его охлажденіе и въ письмахъ за 1674—75 гг. царь обращается прежде къ Наталіи Кириловнѣ, а затѣмъ къ другимъ членамъ семьи, именуя сестеръ, царевичей и царевенъ.

Продолжая жить съ сестрами, племянниками и племянницами въ своемъ теремѣ царскомъ, царевна Ирина часто ѣздитъ въ свое собственное с. Рубцово (Покровское), доставшееся ей отъ бабки, инокини Марѣы, гдѣ она родилась, и подолгу здѣсь проживаетъ, насаждая сады и устраивая пруды. Сохранилось извѣстіе, что въ 1653 г. царевна Ирина подарила на построеніе женской Успенской обители 30 р. съ приказомъ—молить бога за царицу Марѣу Ильинишну, которая въ

свою очередь обѣщаетъ наново остроить Успенскій монастырь, „аще Богъ дастъ царевича“. Это опять таки свидѣтельствуеть о томъ, что и царевны заинтересованы были больше рожденіемъ царевичей, („всемирная радость“), чѣмъ царевенъ, участь которыхъ имъ самимъ должна была казаться нерадостной.

Въ 1654 г. во время моровой язвы въ Москвѣ, Ирина со всѣмъ царскимъ семействомъ, въ сопровожденіи патріарха (Никона) уѣзжала въ Калязинъ-Макарьевъ монастырь. Въ 1672 г. вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Ѳедоромъ Алексѣвичемъ царевна Ирина крестила младшаго царевича Петра. На этомъ и обрываются всѣ свѣдѣнія о царевнѣ Иринѣ, которая скончалась на 52 г. жизни въ 1679 г., еще при жизни царя Ѳедора, такъ что не была свидѣтельницей всѣхъ тревожныхъ явленій въ семьѣ царской, какія послѣдовали послѣ его смерти, въ правленіе царевны Софьи, Іоанна и Петра Алексѣвичей. Погребена царевна Ирина въ Новоспаскомъ монастырѣ подъ соборною церковью, гдѣ погребены многіе члены изъ семьи Романовыхъ: отецъ царицы Анастасіи, инокиня Марѳа, сестра царя Михаила Ѳедоровича Татьяна Ѳедоровна Катырева, дѣдъ его Никита Романовичъ, отецъ патріарха Филарета съ супругою и мн. др., такъ что монастырь этотъ сдѣлался какъ бы родовымъ кладбищемъ фамиліи Романовыхъ.

II.

О второй дочери царя Михаила Ѳедоровича, Аннѣ, не имѣется никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній; она является лишь отраженіемъ ея младшей сестры, Татьяны Михайловны проявившей болѣе индивидуальныхъ чертъ въ той сумятицѣ, каковую вносила въ жизнь царскаго терема ея бѣдовая племянница Софья Алексѣевна. Быть можетъ удрученная этой именно сумятицей, царевна Анна почти передъ смертью своею, 18 окт. 1692 г. постриглась въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, подъ именемъ Анеисы, а 27 окт. того же года скончалась 62-хъ лѣтъ отъ роду.

Царевна Татьяна Михайловна родилась 5 янв. 1636 г. и ей было всего 9 лѣтъ, когда скончался ея отецъ, а затѣмъ вскорѣ и мать. Дѣтство и юность ея прошли въ обычной теремной обстановкѣ. Въ царствованіе брата, царя Алексѣя Михайловича она не оставалась чуждой того общественнаго движенія, которое вызвано было церковными реформами патріарха Никона, нововведеніямъ котораго (исправленіе церковныхъ книгъ) она сочувствовала вполне и питала къ Никону искреннее

расположеніе. Позже она принимала самое горячее участіе въ судьбѣ этого патріарха и когда онъ, сосланный въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, испытывалъ разныя невзгоды, которыя переносилъ такъ стоически, то благочестивая и вліятельная Татьяна Михайловна неоднократно ходатайствовала передъ племянникомъ своимъ, царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ объ улучшеніи тяжелой участи Никона и о переводѣ его въ Воскресенскій монастырь, и, если этого ей не удалось достигнуть, то лишь потому, что не соглашался на это патр. Іоакимъ, говорившій: „сверженъ онъ не нами, а великимъ соборомъ и вселенскими патріархами; мы не можемъ возвратить его безъ ихъ вѣдома“. Когда же и созванный царемъ соборъ вынесъ отрицательное для Никона рѣшеніе, то Татьяна Михайловна просила царя Ѳедора написать Никону утѣшительное собственноручное письмо, что царь и исполнилъ. По ея же ходатайству тѣло бывшего патр. Никона († 1681 г., 75-ти лѣтъ) было перенесено и торжественно погребено въ одномъ изъ предѣловъ обширнаго главнаго храма Воскресенскаго монастыря, подъ такъ называемою Голгоескою горою, гдѣ устроена церковь, въ которую надобно сходить внизъ 33 ступенями, по числу годовъ, проведенныхъ Спасителемъ на землѣ; надъ гробницею Никона висятъ тяжкія желѣзныя вериги, которыя онъ носилъ. Чтя память Никона, который больше всего способствовалъ устройству и украшенію этого главнаго монастырскаго храма—Воскресенія Христова—(подобіе древнему Іерусалимскому), Татьяна Михайловна въ 1691 г. принесла въ даръ монастырю великолѣпный сребропозлащенный ковчегъ въ которомъ хранятся св. мощи: десная рука муч. Татьяны.

По смерти своихъ старшихъ сестеръ Ирины и Анны, Татьяна Михайловна остается старшимъ членомъ въ царской семьѣ, ей отводится первое, почетное мѣсто на семейныхъ торжествахъ; она вмѣстѣ съ младшимъ племянникомъ царевичемъ Петромъ дѣлается воспріемницею царевенъ Ѳеодосіи (1690 г.) и Екатерины (1691 г.), дочерей ц. Ивана Ал., а раньше она крестила племянницу Марю Ал. Она очевидно держала сторону тѣхъ, кто стоялъ за совмѣстное правленіе Ивана и Петра Алексѣевичей, а не одного послѣдняго; она слѣдитъ за соблюденіемъ придворныхъ обычаевъ и когда умеръ царь Ѳеодоръ Ал., она отправляетъ монахиню съ выговоромъ къ Наталіи Кирилловнѣ за то, что та увела царевича Петра до окончанія похоронной церемоніи, и мать Петра въ извиненіе ссылается на его малолѣтство (10 л.), когда трудно выдержать продолжительную церковную службу.

Когда во главѣ управленія стала ея рѣшительная племянница Софья, то Татьяна Мих. „была у нея въ милости, пользовалась вліяніемъ и

почетомъ и получала значительныя средства для широкой жизни; во время извѣстнаго диспута съ раскольниками въ Грановитой палатѣ, она сидитъ рядомъ съ правительницей Софьей на царскихъ тронахъ, а Наталія Кирилловна, Марья Алексѣевна и патріархъ сидѣли пониже, въ креслахъ“. Послѣ паденія Софьи вліяніе Татьяны Михайловны уменьшается, а равно и матеріальныя средства, и она даже нуждается въ необходимомъ (Рус. біогр. слав., изд. П. Р. И. Об.). Тѣмъ не менѣе другая ея племянница и крестница, Марѳа Ал., одновременно съ Софьей постриженная въ Успенскомъ мон., изъ мѣста своего заточенія часто писала царевнѣ Татьянѣ Михайловной называя ее самыми нѣжными именами „радость моя, государыня тетушка и матушка, благородная царевна“, жалуясь на свое бѣдственное положеніе и прося ея ходатайства передъ Петромъ, который все же съ большимъ уваженіемъ относился къ старшему члену царской семьи. Иногда заточенная царевна Марѳа въ инокиняхъ Маргарита, проситъ у Татьяны Мих. одолжить ей 500-300 рублей, а во время своей болѣзни слезно проситъ свою „тетушку и матушку“ похлопотать о скорѣйшей присылкѣ къ ней доктора. Татьяна Мих. откликается на всѣ эти просьбы, посылаетъ ей деньги и ходатайствуетъ, гдѣ нужно, объ исполненіи просьбъ племянницы.

Скончалась царевна Татьяна Михайловна позже другихъ своихъ сестеръ (Ирины и Анны) въ 1706 г., на 71-мъ году жизни и погребена въ томъ же Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ покоился уже прахъ ея сестры Анны—инокини Анѳисы, и нѣсколькихъ сестеръ и племянницъ, умершихъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Глава четвертая.

Царевна Софья, дочь ц. Алексѣя Мих., ея дѣтство и воспитаніе (Симеонъ Полоцкій); ея роль во время правленія брата, ц. Федора Ал.—1682 годъ: мятежъ стрѣльцовъ; два царя; Софья правительница (кн. В. В. Голицынъ) и преобразованія внутреннія.—Вѣчный миръ съ Польшей, крымскіе походы и первыя столкновенія съ Петромъ; новыя броженія среди стрѣльцовъ; замыслы Шакловитаго, его казнь и удаленіе Софьи въ Новодѣвичій мон. (1689 г.).—Еще мятежныя движенія среди стрѣльцовъ; внезапное возвращеніе Петра изъ за границы, розыски и казни; постриженіе Софьи подъ именемъ Сусанны; ея кончина. Оцѣнка ея личности.

I.

Переходя къ третьему поколѣнію царицъ и царевенъ изъ дома Романовыхъ, намъ придется прежде всего остановиться на царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, вокругъ которой уже группируются всѣ остальные.

На похоронахъ царя Алексѣя Мих., за носилками новаго 15-лѣтняго царя Ѳеодора и царицы Наталіи Кирилловны съ закрытымъ лицомъ, шли пять дочерей царскихъ, также вѣроятно скрытыя подъ траурными фатами, такъ какъ официально, по чину придворному онѣ не могли присутствовать; но мы знаемъ, что самъ покойный царь не разъ уже выводилъ ихъ открыто на свои загородныя поѣздки, на театральныя зрѣлища и другія придворныя торжества.

Изъ 13 дѣтей отъ первой жены царя Алексѣя Мих. было 5 сыновей, изъ которыхъ въ живыхъ оставалось двое, Ѳеодоръ и Иванъ, шестнадцати-лѣтняго царевича Алексѣя царь схоронилъ еще въ 1670 г., а Дмитрій первенецъ и Симеонъ умерли въ младенчествѣ; изъ 8-ми дочерей, двѣ также скончались въ дѣтствѣ (Анна и послѣдняя Евдокія), въ живыхъ оставались: Евдокія 32 л., Марѳа 29 л., Софья 25 л., Екатерина 23 л., Марья 22 и Ѳеодосія 19 л. Отъ второй жены, Наталіи Кириловны (Нарышкиной) были: Петръ, имѣвшій около четырехъ лѣтъ, Наталія, годомъ его моложе, и Ѳеодора, вскорѣ (въ 1678 г.) умершая.

Софья Алексѣевна была шестымъ ребенкомъ царя Алексѣя Мих. и Марьи Ильинишны (Милославской) и родилась 17 сент. 1657 г. Отецъ ея „мягкій, человѣчный, благодушный по природѣ, не посягавшій ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь, живой, страстный, воспріимчивый, вспыльчивый, но отходчивый; мать—красавица, воспитанная въ старинныхъ обычаяхъ, чванливая, но ума не выдающагося.“ Софья по натурѣ скорѣе напоминала отца, а еще больше брата Петра; та же живость, страстность, порывистость, впечатлительность и если она не была такъ геніальна, какъ Петръ, то все же по отзывамъ ея учителя и окружающихъ была „принцесса ума великаго“.

Мы знаемъ уже какъ проходило дѣтство царевенъ, какъ ихъ нянчили, охраняли отъ постороннихъ взоровъ, забавляли и усыпляли сказками. Мы знаемъ также, какую роль въ дѣтской жизни вообще играетъ сказка, съ ея царями, живущими за тридевять земель, въ тридевятomъ царствѣ, съ ея царевнами, живущими въ теремахъ высокихъ, въ ожиданіи своихъ суженыхъ принцевъ и т. д. Живое воображеніе Софьи не могло не воспринимать тѣ черты сказочнаго міра, какія болѣе соответствовали ея характеру, роль заправилы, какую она впоследствии играла среди всѣхъ женщинъ царскаго терема, не чужда была ей, конечно, и въ дѣтскихъ играхъ, въ которыхъ смѣлый зачинщикъ всегда командуетъ. Властолюбіе, по заключенію многихъ нашихъ исто-

риковъ, было отличительной чертой характера Софьи. Въ 9 лѣтъ, она уже обученная, по обычаю, придворной мастерицей грамотѣ встрѣчается съ преподавателемъ своихъ братьевъ, Алексѣя и Ѳедора, Симеонъ Полоцкимъ. И если Алексѣй оказывалъ особый вкусъ къ изученію латыни, а Ѳедоръ, подражая своему учителю, писалъ вирши, то Софья, хотя также пыталось писать вирши, но интересъ ея сосредоточивался больше на „гисторіи“ Византии, Рима, Запада и на лѣтописныхъ сказаніяхъ русскихъ. Книгъ историческаго содержанія на греческомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ въ царской библіотекѣ было достаточно и многія были переведены на русскій языкъ, а руководителемъ въ этомъ случаѣ былъ опытный учитель Семень Полоцкій, первый изъ постороннихъ мужчинъ безпрепятственно перешагнувшій порогъ царскаго терема.

Уроженецъ Бѣлоруссіи, ученикъ Кіевской Академіи, Симеонъ — Ситніановичъ (род. 1629 г., † 1681 г.) завѣдывалъ въ г. Полоцкѣ школой, и въ пріѣздъ туда въ 1656 г. царя Алексѣя Мих., поднесъ ему привѣтственныя вирши, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе царя. Когда Полоцкъ снова перешелъ въ руки поляковъ (1661 г.) то Симеонъ, боясь преслѣдованій за свои симпатіи къ русскому царю, ушелъ изъ Польши въ Москву и сталъ преподавателемъ въ Спасской школѣ; но уже въ 1667 г. добронравный и опытный учитель изъ Полоцка, Симеонъ, приглашенъ былъ преподавателемъ къ 13-лѣтнему царевичу Алексѣю Ал., а три года спустя, когда умеръ царевичъ Алексѣй, Симеонъ Полоцкій сталъ учить 8-ми лѣтняго царевича Ѳедора. Предметами обученія были: латинскій, польскій языки, піитика и реторика и богословіе. Подъ его же вліяніемъ образовывалась и царевна Софья.

Симеонъ Полоцкій цѣнилъ при дворѣ не только какъ свѣдущій учитель, умѣвшій подсластить, облегчить науку, заинтересовать ученика, оживляя разсказъ разными остроумными сравненіями и поясненіями, но онъ вскорѣ сдѣлался официальнымъ проповѣдникомъ, придворнымъ стихотворцемъ и драматургомъ. Въ защиту вѣры православной противъ раскольниковъ, онъ пишетъ „Жезлъ“. Въ „Вѣнцѣ вѣры каеолическія“ онъ излагаетъ основныя истины христіанской вѣры, хотя и съ западной точки зрѣнія, что со стороны патриарха вызываетъ упреки въ латинствѣ; въ своемъ „Ризомологіонѣ“ онъ даетъ богатое собраніе стихотвореній на разные случаи; „Вертоградъ Многоцвѣтнй“ представляетъ живо написанную и интересную книгу самыхъ разнообразныхъ разсказовъ и повѣстей свѣтскаго характера: въ немъ мы

находимъ даже такіе рассказы, какъ „Жидъ“*), „Звѣзды“, „Магнитъ“ и др. Кромѣ того этотъ многосторонній и обильный писатель сочиняетъ книгу проповѣдей „Вечера душевная“ и др.; изъ драматическихъ произведеній его интересны: „Комедія о Навуходоносорѣ, о телѣ златѣ и о трехъ отрокахъ, въ печи сожженныхъ“ и „О блудномъ сынѣ“. Поднося царевнѣ Софьѣ свой „Вѣнецъ вѣры“, онъ въ стихахъ пишетъ „Врученіе Вѣнца вѣры“, обращенное къ „благовѣрной царевнѣ великой княгинѣ Софьѣ Алексѣевнѣ“, которая съ интересомъ читаетъ всѣ его сочиненія. Въ началѣ 1670 г. Симеонъ Полоцкій заводитъ при дворѣ, „на верху“, типографію и печатаетъ въ ней „Букварь“ для царевича Петра (въ 1679 г.) и другія книги по своему усмотрѣнію. Онъ же содѣйствуетъ открытію Славяно-Греко-Латинской Академіи и вообще онъ является однимъ изъ столповъ правленія царя Ѳедора, искренно поощряя просвѣщеніе до конца дней своихъ (Л. Майковъ).

Понятно теперь, что вліяніе такого многосторонне просвѣщеннаго челоуѣка на „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужска ума исполненную дѣву“, царевну Софью, было весьма плодотворно. Въ виду слабаго здоровья своихъ братьевъ, она выдвигалась своимъ цвѣтущимъ видомъ, смѣлостью и разумомъ. Во время усилившейся болѣзни царя Ѳедора, Софья, не по обычаю, является у его постели, ухаживаетъ за нимъ, сама даетъ ему лѣкарства. Она, конечно, могла бы и править за болѣзненнаго брата, примѣры тому были въ исторіи. Въ воображеніи Софьи всплываетъ образъ византійской царевны, Пульхеріи, которая въ 19 лѣтъ правила за малолѣтняго брата своего Ѳеодосія и носила титулъ Августы (царицы). Софья знала также, что 700 лѣтъ назадъ народомъ русскимъ самостоятельно правила великая кіевская княгиня Ольга; да и не даромъ приверженный ей ученикъ Симеона Полоцкаго (Сильвестръ Медвѣдевъ) сравнивалъ ее не только съ Пульхеріей, но и съ Елисаветой англійской и съ Семирамидой—эти образы несомнѣнно жили въ ея памяти, и мечты—стать правительницей—въ продолженіе всего царствованія Ѳедора не покидали ее. Рядомъ съ этими мечтами росла и ненависть къ мачехѣ Наталіи Кирилловнѣ, въ лицѣ которой Софья видѣла опасную соперницу, Но какъ только 15-лѣтняго Ѳедора съ больными ногами посадили на тронъ,

*) „Яже польза въ садѣ дробныхъ рыбъ шуку цускати,
Та между крестьяны жида водворити:
Щука малыя рыбы несотно подаеть,
Жидъ люди убогіе лихвами снѣдаеть“.

Въ такомъ изображеніи еврея видѣвъ западный уроженецъ, близко знавшій отношенія евреевъ къ населенію южнаго края.

Наталія Кир. съ Петромъ и родственниками своими Нарышкиными отошли въ сторону и на первый планъ выступили ухаживавшія за царемъ тетки и сестры и главенство при дворѣ перешло къ Милославскимъ.

Первымъ дѣломъ новаго правительства было удаленіе старика Матвѣева, постояннаго совѣтника царицы Наталіи Кириловны, сначала въ почетную ссылку, а затѣмъ въ Пустозерскъ. При дворѣ Ѳедора появились новыя лица, Языковъ, Лихачевъ, князь Голицынъ. Остановимся немного на этомъ послѣднемъ, какъ на лицѣ, ставшемъ впоследствии столь близкимъ къ царицѣ Софьѣ.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ происходилъ изъ знаменитаго рода Ягеллоновъ; мы уже упоминали о немъ рядомъ съ другими послѣдователями новыхъ западныхъ идей въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Ордынъ-Нащокинымъ, Ртищевымъ и др. Горячій поклонникъ Запада, весьма образованный и начитанный, онъ занялъ первое мѣсто въ Посольскомъ приказѣ послѣ удалившагося въ монастырь Ордына-Нащокина. Но кн. В. В. Голицынъ тѣмъ не менѣе уступалъ своему предшественнику. Будучи болѣе теоретикомъ, ему не хватало практическаго ума, не хватало опыта и рѣшимости въ проведеніи въ жизнь его реформъ, хотя въ нихъ онъ шелъ и далѣе Ордынъ-Нащокина. Онъ думалъ о распространеніи просвѣщенія, о вѣротерпимости, объ улучшеніи нравственнаго быта, о свободномъ вѣздѣ иностранцевъ въ Россію; его планъ объ освобожденіи крестьянъ (съ землею) приближался къ реформѣ въ этой области, сдѣланной болѣе 200 л. спустя, при Алексѣандрѣ II. Кн. Голицынъ принималъ самое дѣятельное участіе въ законѣ объ отмѣнѣ мѣстничества, обнародованномъ въ концѣ царствованія Ѳедора, когда всѣ присутствовавшіе въ чрезвычайномъ собраніи 12 янв. 1682 г. единогласно порѣшили: „да погибнетъ въ огнѣ оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспоминается во вѣки“... Такая сильная редакція этого закона говоритъ въ пользу ея составителя. При его участіи отмѣняется и осѣченіе (въ 1680 г.) и неприличныя и унизительныя выраженія челобитчиковъ; ему же Ѳедоръ поручаетъ и улучшеніе ратнаго дѣла.

Въ палатахъ брата, царя Ѳедора, Софья впервые встрѣтила кн. В. В. Голицына. Мы знаемъ какъ нерѣдко живая рѣчь, увлекательный умъ плѣняютъ больше, нежели внѣшняя красота, которой Софья, по отзыву современниковъ, не отличалась. Некрасивая, тучная, съ большой го-

ловой, съ широкой и короткой таліей, казавшаяся старше своихъ лѣтъ, но „ума великаго“ и „великій политикъ“, Софья сразу почувствовала влеченіе къ кн. Голицыну, перешедшее въ горячую дружбу „amitie amoureuse“, которая настолько связала обѣ ихъ жизни, что вмѣстѣ съ паденіемъ Софьи, долженъ былъ пасть и ея первый министр, „ея первый галантъ“ кн. В. В. Голицынъ...

11 іюля 1681 г., произведя на свѣтъ сына, скончалась царица Агафья (Грушецкая), первая жена ц. Ѳедора, черезъ шесть дней за нею послѣдовалъ и новорожденный царевичъ (Илья). 14 февр. 1682 г. ц. Ѳедоръ, не смотря на все усиливавшуюся болѣзнь, съ непонятнымъ для окружающихъ упрямствомъ, вступилъ во второй бракъ съ Марѳой Матвѣвной (Апраксиной), крестницей Матвѣва, что послужило къ облегченію участи послѣдняго. Но черезъ два мѣсяца и самъ Ѳедоръ скончался (27 апр. 1682 г.) на 21-мъ году жизни, оставивъ въ царскомъ теремѣ еще одну женщину, пятнадцатилѣтнюю вдову.

II.

Когда царемъ выбрали Петра, какъ болѣе здороваго и даровитаго изъ сыновей Алексѣя Мих., Софья воспыкала еще большей злобой на мачеху, которая становилась такимъ образомъ правительницей за 10-лѣтняго сына. Чувство самосохраненія заговорило въ ней и она прежде всего смѣло вышла изъ царскаго терема на улицу и, вопреки обычаю, слѣдуя въ похоронной процессіи за гробомъ брата, воплемъ своимъ обратила на себя вниманіе народа: „видите,—причитала она,—какъ братъ нашъ Ѳедоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій нашъ братъ Иванъ не выбранъ на царство: а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужіе земли, къ королямъ христіанскимъ“... Слова эти произвели извѣстное впечатлѣніе среди лицъ, державшихъ ея сторону, которые скоро прибѣгли къ столь обычному средству смутной эпохи—распустили тревожные слухи въ народѣ и особенно между стрѣльцами, и безъ того недовольными на своихъ полковниковъ за разныя съ ихъ стороны обиды, поборы и другія злоупотребленія, къ тому же имъ грозили, что въ правленіе царицы Наталіи и Нарышкиныхъ для нихъ могутъ послѣдовать и еще большія притѣсенія. И не успѣлъ вернуться изъ ссылки (12 мая 1682 г.) Матвѣвъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемый Наталіей Кир. и Петромъ, какъ 15 мая, въ

день убіенія царевича Дмитрія, съ утра клеветы Милославскихъ распустили по стрѣleckимъ полкамъ слухъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана. Въ полдень стрѣльцы ворвались въ Кремль для расправы. Дальнѣйшая исторія этого перваго стрѣleckаго мятежа хорошо извѣстна: безчеловѣчно убить былъ старикъ Матвѣевъ и самые близкія лица юноши Петра и его матери, несмотря на то, что царевичъ Иванъ предсталъ передъ ихъ глазами живымъ и слухъ о его отравленіи оказался ложнымъ.

Что же дѣлалось въ это время въ царскомъ теремѣ, куда такъ безцеремонно вломились стрѣльцы, даже въ комнаты царевенъ? Когда Наталія Кириловна укрывала брата своего Ивана, запрятаннаго сначала въ комнатѣ маленькой царевны Наталіи, а затѣмъ въ сосѣднемъ чуланѣ, между тѣмъ, какъ стрѣльцы еще и на другой день (16 мая) настойчиво требовали его выдачи, угрожая, что не уйдутъ, пока онъ не будетъ имъ выданъ, то Софья рѣзко сказала мачехѣ: „брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ изъ за него“. А затѣмъ, послѣ раздирательной сцены прощанія Наталіи Кириловны съ братомъ, Софья совѣтуетъ дать ему въ руки образъ Богородицы, который, какъ святыня, могъ устыдить разъяренную толпу... Ивана Нарышкина пытали, изрубили въ куски, а на слѣдующій день (17 мая) также точно поступили и съ докторомъ Данилой (Гаденомъ), лѣчившимъ царя Федора.

Послѣ этой ужасной трехдневной расправы, стрѣльцы заявили готовность положить головы свои за царя, обѣихъ царицъ, царевенъ и царевича... Но среди всѣхъ этихъ лицъ царило полное уныніе и растерянность: лишенная своихъ лучшихъ совѣтниковъ, Наталія Кириловна въ страхъ за участь своихъ дѣтей и свою собственную, подавленная своимъ горемъ, не могла собраться съ мыслями; вокругъ нея все пряталось и трепетало за собственную безопасность. Не растерялась одна Софья: съ давней мечтой стать правительницей, она въ эту трудную минуту самовластно и смѣло взяла въ свои руки правленіе и, окруженная сестрами, быть можетъ ей сочувствовавшими, въ обществѣ съ родственниками Милославскими (во главѣ которыхъ сталъ Иванъ Михайловичъ) и другими лицами ей преданными, стала распорядиться всѣми дѣлами и прежде всего удовлетворила стрѣльцовъ, раздавъ имъ заслуженныя ими деньги (240000 р.) и пообѣщавъ послѣ выдать еще по 10 рублей каждому; всѣхъ же стрѣleckихъ полковъ было 19 съ 20000 чел. и жили они съ своими семьями подъ Москвой (въ Стрѣleckой слободѣ) и по мѣрѣ надобности призывались для отбытія службы. Начальникомъ надворной пѣхоты Софья назначила казавшагося ей пре-

даннымъ кн. И. А. Хованскаго, ведшаго свой родъ отъ Гедиминовичей и уважаемаго стрѣльцами за его приверженность къ старой вѣрѣ и старымъ обычаямъ.

23 мая выборные отъ стрѣльцовъ потребовали (не безъ участія Софьи), чтобы царствовали оба брата. Соборъ изъ патриарха, духовенства и выборныхъ отъ Москвы, опираясь на примѣры исторіи (императоровъ Аркадія и Гонорія, Василя и Константина, совмѣстно царствовавшихъ); Ивана и Петра объявилъ царями (26 мая), причемъ первымъ именовался Иванъ, что отодвигало Наталію Кир. на второй планъ и на первый выдвигало умную и энергичную Софью, которая, ссылаясь на примѣръ Пульхеріи греческой, стала управлять за болѣзненнаго и малоумнаго „скорбнаго главою“ брата своего Ивана (съ 29 мая 1682 г.).

Въ самомъ началѣ своего управленія, когда броженіе между стрѣльцами все еще не утихало, по инициативѣ кн. Хованскаго, выдвинуто было снова раскольникче дѣло. Софья принуждена была выслушать челобитную отъ приверженцевъ раскола и допустить даже пренія съ ними о вѣрѣ въ присутствіи патриарха и народа (5 іюля 1682 г.); но, возмущенная рѣчами расколуучителей, поносившихъ память царей Алексѣя и Федора, она не выдержала, вскочила съ своего царскаго трона и въ сильномъ раздраженіи, со слезами на глазахъ сказала: „если Арсеній и Никонъ, патриархи—еретики, то и отецъ нашъ и братъ такіе же еретики стали; выходитъ, что и нынѣшніе цари не цари, патриархи не патриархи, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слушать... мы пойдемъ всѣ изъ царства вонъ“. И если у нѣкоторыхъ выборныхъ эта рѣчь царевны вызвала слезы, то среди другихъ послышались иныя слова: „пора, государыня, давно вамъ въ монастырь, полно царствомъ мучить, намъ бы здоровы были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ“.

Софья хорошо знала, что далеко не всѣ стрѣльцы сочувствовали раскольникчему дѣлу, а потому она, давъ дочитать челобитную, прервала пренія и всѣхъ отпустила; но непосредственно затѣмъ однихъ изъ главарей схватили и казнили (Никиту-Пустосвята), а другихъ (инока Сергія) сослали; немного же спустя и покровительствовавшаго имъ кн. Хованскаго, на основаніи лишь подметнаго письма, обвинили въ желаніи убить обонхъ государей, царицъ, царевенъ и патриарха, на одной изъ царевенъ (Екатеринѣ) женить своего сына Андрея и завладѣть престоломъ. Обонхъ Хованскимъ въ день именинъ Софьи (17 сент.)

казнили въ с. Воздвиженскомъ, гдѣ въ это время находилась семья царская, удалившаяся въ разные дачныя села изъ Москвы, въ виду могущихъ произойти новыхъ безпорядковъ среди стрѣльцовъ. Сказку о винахъ Хованскому читалъ думный дьякъ Ѡ. Л. Шакловитый, новый „галантъ“ Софьи. Затѣмъ для большей безопасности семья царская укрылась въ Троицкій монастырь, который на всякій случай привели въ осадное положеніе и оборону вручили кн. В. В. Голицыну; кромѣ того со всѣхъ сторонъ вызваны были къ Троицѣ служилые люди, вскорѣ туда и прибывшіе.

Волненія между стрѣльцами дѣйствительно начались, и вызвалъ ихъ главнымъ образомъ другой сынъ Хованскаго, Иванъ, который успѣлъ уйти изъ с. Вознесенскаго въ Москву и рассказать о казни отца и брата, безъ указа государей и о томъ, что бояре съ холопами своимъ идутъ на стрѣльцовъ, чего эти послѣдніе боялись пуще всего. Но, благодаря отчасти разъяснившимся слухамъ, а отчасти находчивости Софьи, все улеглось: стрѣльцы повинились, просили уничтожить тотъ столпъ (памятникъ), на которомъ по ихъ желанію были написаны имена героевъ перваго стрѣлецкаго бунта; просили также не называть ихъ ворами и бунтовщиками и въ присутствіи патріарха цѣловали крестъ, обѣщая еще разъ не щадить головъ своихъ за государей. Ихъ простили, выдали имъ сполна годовые оклады „безъ вычета и безволочитно, безъ взятокъ отъ приказныхъ людей, прибавивъ подъемные деньги и освободивъ отъ работъ на начальство“ (Соловьевъ).

6 ноября дворъ вернулся въ Москву. Шакловитый, назначенный начальникомъ Стрѣлецкаго приказа (бывшей надворной пѣхоты), зорко сталъ слѣдить за поведеніемъ стрѣльцовъ, строго наказывая всѣхъ тѣхъ, кто пытался такъ или иначе вызвать среди нихъ смуту; кромѣ того только 7 болѣе надежныхъ стрѣлецкихъ полковъ оставлено было въ Москвѣ, остальные 12 разосланы по границамъ на службу; изъ пограничныхъ же лучшихъ людей организовано 5 полковъ, отправленныхъ въ Москву, что давало правительству Софьи вѣрную опору. Желая же положить конецъ всѣмъ толкамъ среди народа, Софья издала повсемѣстно указъ (21 мая 1683 г.), чтобы „всякихъ чиновъ люди прошлаго смутнаго времени никакъ не хвалили, никакихъ непристойныхъ словъ не говорили и затѣйныхъ дѣлъ не вѣщали“.

Новая правительница повидимому успокоилась и, опираясь на совѣты своего перваго министра „человѣка ума великаго и любимаго отъ всѣхъ“ кн. В. В. Голицына, она занялась дѣлами внутренними и прежде

всего обратила вниманіе на массу бѣглыхъ холоповъ, между которыми раскольничье и стрѣлцкое движеніе произвело своего рода броженіе. Указомъ 13 февр. 1683 г. велѣно было: „ловить, наказывать и возвращать ихъ владѣльцамъ всѣхъ бѣглыхъ холопей, а тѣхъ, кого господа обратно взять не пожелаютъ, ссылатъ на поселеніе въ Сибирь“; при этомъ правительство впервые потребовало отъ помѣщиковъ списковъ ихъ крестьянъ и холоповъ, всѣхъ же неприписанныхъ бродягъ велѣно было ловить, для чего предназначались особые сыщики. Въ это же время велѣно было произвести размежеваніе помѣщичьихъ и монастырскихъ земель и опредѣлена болѣе точная ихъ граница. По распоряженію же правительства, всѣ тяглые люди, ушедшіе за это время изъ деревень въ посады, получили право тамъ оставаться, такъ какъ по заявленію посадскихъ безъ нихъ трудно было разсчитывать на правильную уплату податей; но послѣ изданнаго указа (17 дек. 1684 г.) такіе выходы уже строго воспрещались.

Въ самой Москвѣ сдѣлано было многое для внѣшняго порядка и украшенія: въ 1685 г. царевны выстроили себѣ трехъ-ярусныя палаты, украшенныя внутри живописью и съ помѣщеніемъ для Думы; въ самомъ городѣ построено было до 300 каменныхъ домовъ; приняты были мѣры и для поддержанія благочинія на улицахъ, за чѣмъ должны были слѣдить караульные стрѣльцы, останавливая и удаляя нарушителей порядка; воспрещались бранныя и непристойныя слова. Еще при Федорѣ, а затѣмъ и при Софьѣ начали заводить „политесь съ манеру польскаго“, укоротили неуклюжій длинный охабенъ; въ наукѣ царили латинскій и польскій языки; этотъ послѣдній хорошо знала и сама Софья. Въ правленіе Софьи отмѣнена была смертная казнь за непристойныя и затѣйныя слова и замѣнена ссылкой; отмѣнена была и казнь для убійцъ своихъ мужей, которыхъ по Уложенію заживо закапывали въ землю („окапываніе“).

Наконецъ Софья закончила (въ 1685 г.) и дѣло созданія Славяно-Греко-Латинской Академіи, начатое при Федорѣ, и ученикъ Симеона Полоцкаго Сильвестръ Медвѣдевъ въ стихахъ воспѣлъ ей хвалу, какъ насадительницѣ премудрости на Руси: „Мудрости бо ти имя подадеса, грекомъ Софїи мудрость наречеса: тебѣ бо слично науки начати, яко премудрой оны совершати“... При этомъ онъ говорилъ, что если Ольга явила свѣтъ вѣры, то она, Софья, явила свѣтъ науки для Россіи. Пріѣхавшіе въ томъ же году братья Лихуды (Іоанникій и Софроній) начали въ Академіи читать свои курсы. По примѣру своихъ предшественниковъ Софья хлопотала объ открытіи фабрикъ, выписывала мастеровъ для выдѣлки бархата, атласа, сукна и т. п.

Отнесясь сурово къ раскольникамъ еще въ началѣ своего управленія, Софья указомъ 1684 г. повелѣваетъ ловить ихъ повсюду и упорствующихъ сжигать, послѣ чего множество ихъ бѣжало за рубежъ, польскую и шведскую границу, за Донъ, гдѣ они построили себѣ особый Кузьминъ-городокъ, взятый позже правительствомъ (въ 1689 г.). Но, преслѣдуя раскольниковъ, Софья менѣе стѣсняла вліяніе латинства. Ея восхвалитель Сильвестръ Медвѣдевъ написалъ книгу „Манна хлѣба животнаго“, будто по желанію царевны, въ которой доказывалъ, что пресуществленіе совершается при произнесеніи словъ Христа „примите, ядите“ и т. д., съ чѣмъ не согласенъ былъ патр. Іоакимъ, обвиняя его въ ереси („хлѣбопоклонной“), и косо смотрѣлъ на покровительство ему Софьи, а равно и на покровительства со стороны кн. Голицына іезуитамъ.

III.

Мы уже говорили выше, что главнымъ совѣтникомъ и исполнителемъ всѣхъ распоряженій Софьи былъ кн. В. В. Голицынъ. Еще въ началѣ ея правленія онъ получилъ титулъ: „царственныя большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ оберегателя“. Ставъ такимъ образомъ во главѣ Посольскаго приказа, онъ долженъ былъ слѣдить за всѣми сношеніями Московскаго государства съ иностранными. Самымъ замѣчательнымъ актомъ правленія Софьи во внѣшней политикѣ былъ договоръ съ Китаемъ, съ которымъ въ это время соприкоснулась граница русскихъ владѣній въ Сибири (1689 г.). Еще раньше, 21 апр. 1686 г. кн. Голицыну удалось, послѣ долгихъ переговоровъ, заключить „вѣчный миръ“ съ Польшей, по Андрусовскому договору, т. е. съ присоединеніемъ Кіева съ правобережной Украиной и всей лѣвобережной ея частью. Но результатомъ этого мира было обязательство Россіи войти въ союзъ съ Польшей, Австріей и Венеціей противъ турокъ, съ которыми пришлось разорвать прежнія мирныя сношенія и послать русское войско противъ крымскихъ татаръ для защиты польской границы. Такимъ образомъ, въ 1687 г. объявленъ былъ первый крымскій походъ. Софья, ставя во главѣ 150000 войска кн. Голицына, думала, что удачный походъ въ Крымъ выдвинетъ, прославитъ ея любимца и упрочитъ ея собственное положеніе на престолѣ; казаки съ гетманомъ Самойловичемъ должны были двинуться на соединеніе съ войсками Голицына.

Но не такъ думалъ ея первый министръ и неопытный полководецъ. Кн. Голицынъ постоянно опасался и за сомнительность правъ Софьи

и за свою власть. Во время похода, за обѣдомъ военныхъ людей, онъ предложилъ тостъ за здоровье царей и царевны Софьи; но тотчасъ же смутился и написалъ Шакловитому письмо, прося разузнать, какъ на это посмотрятъ въ Москвѣ. „Всегда намъ печаль, а радости мало, — писалъ онъ, — у меня только и надежды, что ты“. Походъ, какъ извѣстно былъ неудаченъ: степной пожаръ и недостатокъ воды остановили русское войско и, дойдя до Конскихъ водъ (12 іюня), послѣ военнаго совѣта, Голицынъ повернулъ обратно. Софья, испугавшись отправила Шакловитаго для совѣщанія съ Голицынымъ; но Шакловитый вернулся и заявилъ, что казацкая старшина ненавидитъ гетмана Самойловича и что есть поводъ обвинить его въ подстрекательствѣ къ поджогу степи. Тогда въ присутствіи Голицына собравшаяся казацкая старшина низложила гетмана Самойловича и на его мѣсто избрала Мазепу, а кн. Голицынъ вернулся въ Москву, гдѣ радостно былъ встрѣченъ Софьей, какъ герой, а всѣ неудачи похода приписали Самойловичу.

Но это торжество была непродолжительно, такъ какъ татары продолжали разорять окраины Россіи и поэтому въ слѣдующемъ же (1688 г.) году объявленъ былъ новый походъ подъ начальствомъ того же кн. Голицына, который въ началѣ 1689 г. съ 100000 войска выступилъ изъ Москвы. По пути въ Крымъ русское войско обратило въ бѣгство крымцевъ и Софья уже торжествовала; но, у Перекопа кн. Голицынъ, какъ онъ ни былъ просвѣщенъ въ изученіи географическихъ картъ, въ рамкахъ висѣвшихъ въ его домѣ, остановился, пораженный тѣмъ, что встрѣтилъ вмѣсто благодатнаго края такую же степь; дальше двигаться онъ не рѣшился и на этотъ разъ также повернулъ обратно. Софья тѣмъ не менѣ хотѣла, какъ и прежде, видѣть въ дѣйствіяхъ Голицына все же подвигъ; она привѣтствовала его съ побѣдой „надъ агаряны“ и въ лихорадочномъ нетерпѣніи, ожидая его скорѣйшаго возвращенія, писала ему: „а мнѣ, свѣтъ мой, вѣры не имѣется, что ты къ намъ возвратишься; тогда вѣры понму, когда увижу во объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего... Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Батюшка мой, радость моя, свѣтъ очей моихъ, мнѣ вѣра не имѣется, сердце мое, что тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Если бы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила передъ собою“. Въ этомъ письмѣ вылилась вся глубина и сладость того чувства, какое Софья питала къ Голицыну. 19 іюля она по царски встрѣтила казавшееся ей побѣдоноснымъ войско и раздала всѣмъ награды.

Но оба неудачныхъ похода уронили имя кн. Голицына въ глазахъ народа и, не смотря на мнимосозданную Софьей его славу, онъ ясно видѣль, какъ вліяніе его меркнетъ вмѣстѣ съ силой его соправительницы, отстоять которую было уже весьма трудно, несмотря на всякія и тайныя мѣры Шакловитаго, которымъ онъ не могъ сочувствовать, такъ какъ по натурѣ своей и по своему положенію и уму просвѣщенному, кн. Голицынъ сознавалъ, какъ трудно уже было дальше отстаивать права Софьи, когда молодой царь Петръ, вступившій въ началѣ 1689 г. въ бракъ съ Евдокіей Лопухиной, считался уже совершеннолѣтнимъ, обнаруживалъ смѣлый и рѣшительный характеръ и имѣлъ свое молодое, но обученное на нѣмецкій образецъ войско— „ненавистныхъ потѣшныхъ конюховъ“, какъ ихъ называла Софья, которые могли уже угрожать стрѣльцамъ. Петръ къ тому же сталъ требовать, чтобы всѣ государственной важности дѣла предъявлялись ему лично; онъ только по настоянію Софьи подписалъ похвальную грамоту войску и еле далъ согласіе на награду кн. Голицына за походы, которые онъ не считалъ удачными; и во многихъ другихъ вопросахъ онъ сталъ проявлять полную самостоятельность.

И вотъ между братомъ и сестрою давно тлѣвшая вражда угрожала перейти въ открытую. Еще 8 іюля (1689 г.), во время крестнаго хода изъ Кремля въ Казанскій соборъ (въ память годовщины избавленія отъ поляковъ въ 1612 г.), Петръ предупредилъ сестру, чтобы она не выступала въ процессіи, такъ какъ это дѣло было *не обычное* и не прилично идти ей *особымъ* лицомъ вмѣстѣ съ царями; Софья не послушала и Петръ, оставивъ процессію, уѣхалъ въ Коломенское. Софья же и послѣ этого продолжала дѣлать свои выходы въ разные церкви и монастыри, а 19 іюля, какъ мы видѣли выше, торжественно встрѣчала и награждала войско кн. Голицына. 27 іюля она ходила на праздникъ Смоленской Богородицы въ Новодѣвичій монастырь и, сопровождаемая по обыкновенію стрѣльцами, имѣла полную возможность жаловаться передъ ними на притѣсненія со стороны Наталіи Кириловны и Нарышкиныхъ, а равно и на опасность для самыхъ стрѣльцовъ отъ „потѣшныхъ конюховъ преображенскихъ“. Еще болѣе мучилъ стрѣльцовъ Шакловитый, слѣпо преданный слуга Софьи, жаждавшій сохранить свое положеніе. Онъ распускалъ самыя нелѣпыя слухи, подбивая стрѣльцовъ путемъ насилія расправиться съ семьей и приверженцами Петра, очистивъ такимъ образомъ путь къ коронѣ для царевны Софьи.

Однако не всѣ стрѣльцы на этотъ разъ внимали этимъ толкамъ, къ тому же толки эти проникали и въ Преображенское, куда для объ-

ясненій вызывали самого Шакловитаго. Софья, въ страхѣ, что могутъ нагрязнуть „потѣшныя конюхи“ и учинить съ нею насиліе, убить кн. Голицына и Шакловитаго, по распоряженію этого послѣдняго собрала подъ ружье до 400 стрѣльцовъ въ Кремль, а другихъ 300 на Лубянкѣ, и на запросъ Петра—для чего она собрала столько войска—отвѣчала, что для обычнаго сопровожденія ея въ богомольномъ походѣ.

Но, очевидно, счастье стало измѣнять Софью. Случилось нѣчто для нея неожиданное. Ночью, съ 7 на 8 августа въ Преображенское спѣшно явились двое стрѣльцовъ увѣдомить царя, что его жизнь и жизнь его семейства находятся въ опасности. Внезапно разбуженный, еле разузнавъ въ чемъ дѣло, Петръ бросился на коня и ускакалъ къ Троицѣ, а за нимъ на утро 8 авг. туда явилась и вся его семья. Тогда началось дѣло о заговорѣ Шакловитаго въ пользу Софьи, которое кончилось розысками между стрѣльцами, казнью Шакловитаго и другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Кн. Голицынъ, человекъ великаго ума и великій политикъ, имѣя въ Преображенскомъ лагерѣ защитника въ лицѣ своего двоюроднаго брата, воспитателя Петра, кн. Бориса Алексѣевича Голицына, на содѣйствіе котораго онъ надѣялся въ дѣлѣ примиренія сестры и брата, смутился послѣ выдачи Шакловитаго и уѣхалъ въ свое подмосковное имѣніе; но позже все таки поѣхалъ съ своимъ сыномъ Алексѣемъ къ Петру въ Преображенское для дачи показаній и выслушанія приговора о ссылкѣ въ Яренскъ, а затѣмъ въ Пустозерскъ. По пути, въ Вологдѣ, кн. Голицынъ получилъ утѣшительное письмо и деньги отъ царевны Софьи—это было ея послѣднимъ „прости“ своему первому галанту.

Пострадалъ также и Сильвестръ Медвѣдевъ, который пытался бѣжать въ Польшу, но былъ схваченъ, разстриженъ и обвиненъ въ томъ, что говорилъ, будто Софья хочетъ выйти замужъ за Голицына, а его Сильвестра возвести въ патріархи, что подъ портретомъ Софьи подписалъ полный титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы“, а равно ереси латинской. Его долго пытали огнемъ и желѣзомъ и казнили уже въ началѣ 1691 года.

Софья, потерявъ такимъ образомъ всѣхъ близкихъ ей и преданныхъ людей, пыталась искать защиты у патріарха, и съ его стороны не встрѣтила отклика; тогда она, надѣясь на свой умъ и находчивость, отправилась къ Троицѣ на свиданіе и личное объясненіе съ братомъ, но была возвращена съ пути,—Петръ не захотѣлъ видѣть сестру. А вскорѣ затѣмъ Петръ прислалъ брату Ивану письмо, въ ко-

торомъ указывалъ на то, что Софья начала владѣть *своею волею*, но что теперь „настало время имъ править *самимъ*, понеже пришли въ мѣру возраста своего, *а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей...* съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и расправѣ дѣль *быти не изволяемъ*“... И далѣе онъ указывалъ брату на то, что Софья къ тому же „и царскимъ вѣнцомъ для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчаться“ (Соловьевъ).

Послѣ этого Софья ждала грозы: всѣмъ ея мечтаніямъ казалось наступилъ конецъ и мрачная монастырская келія рисовалась ей встревоженному воображенію. Черезъ нѣсколько дней дѣйствительно къ ней явился посоль (И. Б. Троекуровъ) съ приказомъ отъ брата, бывшаго вдвое ея моложе—идти въ монастырь. Не легко было для нея съ престола царскаго сойти въ мрачную келію, долго отговаривалась царевна-правительница, но все же принуждена была удалиться на жительство въ Новодѣвичій монастырь. Для надзора за нею приставлена была стража изъ преображенцевъ подъ начальствомъ Ѳ. Ю. Ромодановскаго. —

IV.

Казалось роль Софьи съ удаленіемъ въ монастырь была кончена и ей оставалось замаливать свои грѣхи, если она чувствовала ихъ бремя. Но сладость мечты свойственна не однимъ юнымъ душамъ. Въ живомъ еще воображеніи царевны рисовалась возможность все таки вернуть утраченное положеніе; въ ея исторической памяти хранились примѣры измѣнчивости судьбы въ жизни царей и царицъ византійскихъ, императоровъ и императрицъ римскихъ; а допущенныя свиданія съ сестрами давали ей возможность не порывать сношеній съ вѣншимъ міромъ, съ ея приверженцами между стрѣльцами, недовольными новыми распоряженіями Петра и предпочтеніемъ, какое онъ отдавалъ своимъ потѣшнымъ войскамъ передъ ними.

Скоро пронесся слухъ, что стрѣльцы подкопались подъ Новодѣвичій монастырь и хотѣли вывести оттуда заключенную царевну, но были пойманы и казнены. Софья сама часто думала и говорила о томъ, что хорошо бы было, если бы Петръ, развѣзжая по морямъ и въ походахъ и въ своихъ рискованныхъ потѣхахъ „уходилъ себя“, т. е. нашелъ бы смерть, и тогда она могла бы безпрепятственно царствовать. Когда же Петръ уѣхалъ за границу, то слухъ о томъ, что его уже нѣтъ въ живыхъ, быстро распространился и ему упорно вѣ-

рили. Стрѣльцы, часть которыхъ двинута была въ Азовъ и на границу Польши, были недовольны разлукою съ семьями и новыми тяжелыми условіями царской службы и снова приплы въ движеніе, тѣмъ болѣе, что подьячіе грозили имъ, что въ Москвѣ имъ уже не бывать. При посредствѣ своихъ женъ они вошли въ сношенія съ сестрами цѣревны Софьи, а черезъ нихъ и съ нею самое; съ весны же 1698 г. между стрѣльцами появилось и читалось „призывное письмо“ отъ заключенной цѣревны и челобитныя отъ самихъ стрѣльцовъ къ Софѣ, съ призывомъ на царство. Мятежъ между стрѣльцами сталъ разрастаться и начальникъ Стрѣлецкаго приказа (И. Б. Троекуровъ) употреблялъ всѣ мѣры для водворенія порядка, а Штейну посредствомъ оружія удалось усмирить ихъ окончательно, и расправиться съ зачинщиками, о чемъ и было дано знать Петру за границу. Но внезапно вернувшійся изъ за границы Петръ, въ сильномъ раздраженіи на стрѣльцовъ и на сестру, велѣлъ наново произвести розыскъ, а затѣмъ началась жестокая расправа, напомнившая времена Ивана Грознаго. Петръ самолично допрашивалъ и сестеръ: Марѳа созналась, что передавала Софѣ о желаніи стрѣльцовъ видѣть ее снова на престолѣ; Софья же отъ призывнаго съ ея стороны письма отказалась, сказавъ, что если ее и хотѣли снова звать на престолъ, то „знамо потому, что она со 190 (1682 г.) года была въ правительствѣ“.

На второй день казней, 11 окт. 1698 г. Петръ созвалъ соборъ изъ людей всѣхъ чиновъ для суда надъ Софьей, но кромѣ подозрѣнія не было другихъ основаній для ея обвиненія; тѣмъ не менѣе Софья была пострижена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ *Сусанны*; караулъ для надзора за ней былъ увеличенъ; сестрамъ разрѣшено ѣздить къ ней только въ большіе праздники и въ случаяхъ ея болѣзни; не велѣно было и пѣвчихъ (мужчинъ) пускать въ монастырь: „поютъ и старицы хорошо,—сказалъ, Петръ,—лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ *Спаси отъ бѣды*, а на паперти деньги на убійство даютъ“.

Что должна была пережить душа Софьи, при видѣ 195 стрѣльцовъ, повѣшенныхъ кромѣ многихъ другихъ (около 3000) въ самомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ и трехъ изъ нихъ передъ окнами самой ея келіи, съ челобитными въ рукахъ, висѣвшихъ въ теченіи цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ? Тайна ея душевныхъ переживаній сошла съ нею въ могилу, но не трудно понять весь ужасъ ея душевныхъ терзаній и той усилившейся злобы противъ брата, въ которыхъ цѣревна-инокиня Сусанна, быть можетъ, покалася только передъ смертію, принявъ схиму

и возвративъ свое прежнее многозначительное греческое имя Софьи. „Сохранилось много памятниковъ уставнымъ почеркомъ—трудоу Софьи, скрѣпленныхъ подписью ея руки и иногда даже украшенныхъ изображеніями, ею рисованными перомъ, красками, золотомъ и тушью; есть Евангеліе трудоу Софьи въ Каргопольскомъ монастырѣ“ (Стромиловъ). Софья скончалась 3 іюля 1704 г. и похоронена въ соборномъ храмѣ Новодѣвичьяго монастыря; въ ея надгробной эпитафії между прочимъ сказано, что дочь ц. Алексѣя Мих. и царицы Марьи Ильинишны „Великая Государыня царевна и Великая княжна Софья Алексѣевна отъ рожденія имѣла 46 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 16 дней, а въ монашествоу прожила 5 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 12 дней; въ схимонахиняхъ переименовано имя ей прежнее Софья“; въ монастырѣ же въ заточеніи пребыла 15 лѣтъ.

Болѣе виновную по дѣлу стрѣльцовъ, старшую сестру Софьи, Марѳу, также постригли подъ именемъ Маргариты и отправили въ Успенскую обитель (въ Александровской слободѣ), но ея жизни мы коснемся особо.

Таковы были тревожная жизнь и трагическій конецъ этой самой выдающейся обитательницы царского терема, Софьи, почему мы и позволили себѣ долѣе остановиться на ея личности и дѣятельности, тѣмъ болѣе что отношеніе къ ней исторической литературы весьма противорѣчиво: одни историки порицаютъ все ея поведеніе, другіе наоборотъ говорятъ, что правленіе ея какъ внутреннее, такъ и внѣшнее дѣлаютъ честь ея уму и уму ея перваго министра (кн. В. В. Голицына) и лишь немногіе отдають ей должное.

Время Софьи представляетъ замѣчательную *смесь* не успѣвшихъ еще войти въ свои права *новыхъ влѣній Запада* и отживающаго свой вѣкъ *византизма*, съ его аскетической литературой съ одной стороны и съ его царизмомъ, внесеннымъ Софьей Палеологъ въ придворную жизнь русскихъ князей и княгинь, съ другой. Съ необыкновенною яркостью въ этотъ періодъ русской исторіи выступаетъ и сходство явленій политической жизни Византіи и Московскаго государства: та же борьба церковно-религіозная—иконоборства въ Византіи и раскола у насъ; та же придворная борьба партій, возведеніе и сверженіе съ престола царей и царицъ, тѣ же приемы для возвышенія при дворѣ, сопровождаемые казнями, ложными слухами, коварствомъ, измѣнами, бунтами и т. п. Многія женщины въ Византіи пользовались такою же властью, какою себѣ присвоить хотѣла Софья, хлопотавшая даже у восточныхъ патріарховъ о разрѣшеніи ей короноваться.

Софья, конечно, стояла выше всякихъ Пульхерій и какъ правительница просвѣщенная, умная, энергичная, самобытная по натурѣ, стояла выше менѣе образованной, менѣе самобытной Наталіи Кир., прибѣгавшей постоянно къ покровительству то Матвѣева, то своихъ братьевъ Нарышкиныхъ и нашедшая въ концѣ концовъ вѣрную опору въ своемъ гениальномъ сынѣ, охраняя лишь жизнь и здоровье котораго, она все же не сумѣла дать ему надлежащее воспитаніе и образованіе, и если послѣднее онъ могъ пополнять по желанію въ Нѣмецкой слободѣ и за границей, то упущенія въ первомъ онъ впоследствии сознавалъ самъ и не разъ.

Проникнутая идеями византизма, Софья не менѣе горячо отзывалась и на культурныя вѣянія Запада, слѣдуя совѣтамъ такихъ передовыхъ и просвѣщенныхъ людей, какими были Симеонъ Полоцкій, кн. В. В. Голицынъ. И если въ самой личности Софьи отразилось, быть можетъ, больше отрицательныхъ сторонъ той эпохи, въ которой она выросла и воспиталась, то это потому лишь, что ея жизнь расходилась съ мечтами и дѣйствительность давала сравнительно мало благоприятныхъ условій для осуществленія этихъ мечтаній—стать „царицею самодержицею“. Въ ней, быть можетъ, не столько играло роль властолюбіе, хотя она и привыкла съ дѣтства царить въ своемъ терему, какъ именно это преобладающая идея—равноправной съ царями правительницы, какою 700 лѣтъ до нея была великая княгиня Ольга, какими были многія женщины въ Византіи, каковою была англійская королева Елисавета и библейская царица Семирамида. А окружающіе, восхваляя и восхищаясь постоянно ея обаятельною личностью, поддерживали и укрѣпляли въ ней эту идею. Но вмѣстѣ съ Софьей въ мрачныхъ стѣнахъ монастыря погребены были и восхожденныя ея душой византійскіе идеалы и на смѣну имъ на своихъ могучихъ плечахъ уже несъ культуру запада Петръ, выросшій не въ душномъ теремѣ, а на вольномъ воздухѣ, среди необъятной шири русской природы, лишенной лишь грандіозной морской стихіи, которую онъ впоследствии добылъ для Россіи.

Не удивительно послѣ этого, что та же самая эпоха которая выдвинула Софью, царевну ума великаго, наиболѣе просвѣщенную для своего времени и дерзновенно возсѣвшую на престолъ царскій, а затѣмъ такъ трагически закончившую свою жизнь подъ одѣяніемъ схимницы,—что та же эпоха, повторяемъ, дала Россіи и Петра В.—этотъ самородокъ, крупный, но неотшлифованный алмазь, который такимъ яркимъ брилліантомъ заблесталъ позже въ коронѣ Екатерины II, ея внуковъ и правнуковъ.

А. Иконникова.